

ПРИЗНАЮСЬ честно: этой встречи я ждал полгода. Наконец в телефонной трубке раздался голос Жерома Бриера, менеджера и старого друга Бельмондо: «Два дня месяце Бельмондо будет в Париже. Во вторник в 3 часа приезжайте в мою контору на авеню Жорж V. Только уговор: не говорите никому, что встретитесь с Бельмондо...».

Стараясь соблюдать не совсем понятную мне строгую конспирацию, поднимаюсь на последний этаж массивного дома. После досадного блуждания по хитросплетенным лестницам и коридорам нахожу на стене стрелки с надписью «Бриер». Как по нити Ариадны, выбираюсь к тяжелой двери — и меня встречает хозяин: «Не удивляйтесь! Конечно, приятно быть кинозвездой, но слишком уж обременительная вещь — слава. Каждому хочется познакомиться с Бельмондо, получить автограф, перемолвиться словом. А в этой мансарде тихо, и Жан-Поль может спокойно встречаться с друзьями».

Подхожу к окну — черпичная панорама, желобки улиц. «А вот и машина Жана-Поля!» — восклицает месье Бриер. Останавливается автомобиль с матовыми стеклами, и я замечаю знакомый по стольким фильмам силуэт Бельмондо. Он ныряет в арку двора, а машина уходит дальше. «Как, разве месье Бельмондо не водит сам?» — вырывается у меня. Бриер улыбается: «Спросите об этом у него самого».

— Я часто играл в кино героев без страха и упрека, и у многих зрителей сложилось представление, что Бельмондо и на самом деле такой: легко справляется с невыполнимыми задачами, не знает сомнений и усталости, играючи очаровывает женщин... Но невозможно быть сверхчеловеком. И вообще супермен, на мой взгляд, — явление грустное. Его ничего не трогает, он лишен недостатков, которые и придают нашей жизни ее неподражаемую прелесть. Человек должен в любой ситуации оставаться человеком. Поэтому в большинстве моих ролей я стремился показать характер героический, но который становится таковым лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Считаю, как раз в простом, маленьком человеке и дремлет огромная сила духа, позволяющая преодолеть трудности без боязни набить при этом шишки.

Невольно вспоминается «Великолепный». В этой картине Бельмондо играет незадачливого писателя, строчащего детективы за грошвые гонорары. Этаким графоманствующим башмачником, в мечтах он превращается в героя своих романов — блистательного шпиона, красавца — сорви-голову. Но сын так и остается снами, а литературный поденщик продолжает влачить жалкое существование.

— Да, в моей жизни слишком много от невольной мистификации. Раньше — еще до эры кино — после спектаклей толпа поджидала у театра актера, исполнявшего роль негодяя, чтобы побить его за сценические «злодейства». Подобное случается и теперь: исполнителя слишком

вплотную соотносят с его героями, переводят на него их проблемы и суждения. Легкая и красивая жизнь-праздник Бельмондо — это выдумка. Публика становится жертвой кинематографического обаяния, забывает: мы, актеры, для того и созданы, чтобы дать людям возможность помечтать.

Жан-Поль Бельмондо говорит, а я не могу оторвать взгляда от его рук. Широкие ладони с длинными пальцами, кажется, живут своей жизнью. Они постоянно в напряжении, в работе, описывают в воздухе стремительные фигуры, помогая сформулировать идею, проиллюстрировать образ. Такие

Жан-Поль Бельмондо:

«СУПЕРМЕН-ЯВЛЕНИЕ ГРУСТНОЕ»

руки бывают у хирургов. Впрочем, нет! У скульпторов. Неужто можно унаследовать... руки?

— ...Мой отец, Поль Бельмондо, был замечательным скульптором. Он сформировал меня как артиста, как творческую личность. Своими руками он слепил и собственную судьбу: безвестный парень из сицилийского поселка Чефалу стал членом французской Академии изящных искусств. Он умер не так давно в возрасте 84 лет. До последних дней каждое воскресенье отец ходил в Лувр. Однажды я спросил: зачем ты это делаешь, ведь ты знаешь каждый из педервов Лувра, как свою ладонь? Отец лишь улыбнулся: «Чтобы учиться, малыш». Учиться — таким было его жизненное кредо, ставшее отныне и моим. Тот, кто потерял тягу к учебе, мне не интересен, и вообще он кончен как личность. Надо учиться у книг, у людей и, конечно, у истории. Поколению моего отца главные жизненные уроки преподали войны — первая и вторая мировые. И нам нельзя забывать об этих уроках.

— Но почему тогда в вашей творческой биографии нет ни одного по-настоящему большого, серьезного фильма на военную тему?

— Сейчас задумываюсь над такой картиной. Но, честно говоря, не вижу достойного сценария. С одной стороны, фильм о войне должен быть волнующим, как прекрасные советские картины «Летят журавли» и «Баллада о солдате». С другой — напряженно-приключенческим, как все фильмы с Бельмондо. Знаете, кто оказался бы незаменимым в этой работе? Жан Габен. Признанная «звезда» кино, он добровольцем приехал из Голливуда, чтобы с оружием в руках участвовать в освобождении Франции. Мне посчастливилось хорошо знать этого замечательного

актера и человека, сниматься рядом с ним.

Софи Лорен, Серж Реджани, Анна Карина, Брижитт Бардо, Робер Оссейн... Блестящие актеры были партнерами Жана-Поля Бельмондо. «Чочара», «Частный детектив», «Игра в четыре руки», «Повторный брак»... Многомиллионную зрительскую аудиторию собирали эти фильмы во всех странах, в том числе и в Советском Союзе. Кому не запомнились герои Жана-Поля Бельмондо — сильные, смелые люди, знающие цену риска? И никогда риск этот не был искусственным, картинно-постановочным. Ведь Бельмондо работает без дублера. Но не грозит

ли это незаметно превратиться актера в каскадера?

— Я всегда помню об этой опасности и стараюсь не заполнять трюками каждый фильм.

— А кто родился раньше: Бельмондо-актер или Бельмондо-каскадер?

— Все началось с цирка. А разве можно отделить артистическое мастерство от циркового искусства? Так, недавно в Париже гастролировал Московский цирк. Меня поразили высочайший класс советских артистов, и я не удержался зайти после представления к ним за кулисы, чтобы выразить восхищение. Конечно, не могу демонстрировать те чудеса, которые творили московские акробаты, но когда-то мой номер был тоже не из простых. Я катался на мотоцикле по канату. Сначала он был натянут в 15 метрах над ареной, потом его постепенно поднимали. Номер был комическим: я изображал простофилю, который безуспешно пытается забраться как можно выше и сесть там. В конце концов он оказывался на трапезии под самым куполом. И тут канат рвался! Я скользил по наклонной плоскости и падал. Когда казалось, что гибель неминуема, зависал вниз головой в 20 сантиметрах от магнеза — моя нога была накрепко пристегнута к канату. Шалито взрывался аплодисментами. Я был на краю блаженства... Мне едва исполнилось двадцать лет.

«Цирк Фани» — назывался наш маленький бродячий цирк. Мы разъезжали по всей Франции и радовали людей. Теперь все это в прошлом, как и сами бродячие цирки папато. Мне жаль странствующих циркачей. Сколько прекрасных мгновений дарили они людям! Теперь же все зрелища заменил телевизор. Люди сидят, как сычи, каждый в своей квартире и смотрят в одну точку — на экран.

Впрочем, не слишком ли часто я сетую на телевидение? Ведь и сам иногда включаю телевизор... После окончания сценического отделения Парижской консерватории я девять лет выступал в театре. Сначала — стажером в «Комеди Франсез», потом играл в «Сен-Мишель» и «Театр де ля Мадлен». Начиная с маленьких ролей, как говорится, на выходах, потом мне доверили ведущую роль. Но спектакль провалился, и я решил «отомстить» театру своим успехом в кино. Как видите, мне удалось приручить «синюю птицу» кинематографа. Правда, нет-нет да и таянет на сцену. С удовольствием работал бы часть года в театре.

— Как организован ваш рабочий день?

— Каждый день заранее очень плотно расписан: деловые встречи, разъезды, просмотры... Утро начинаю с физзарядки. Затем — бокс, немного фехтования. Бегом не занимаюсь, предпочитаю подтягивание на турнике. Не курю, только в фильмах, когда это требуется по ходу роли. Очень не люблю, когда после съемок, на которых я был с сигаретой, долго не могу избавиться от вкуса табака.

К сожалению, много приходится сидеть в бюро. Я к тому же и продюсер своих фильмов.

— Как-то даже не верится: Жан-Поль Бельмондо — трюкач, гимнаст, автогонщик и вдруг — обыкновенный клерк с белым воротничком!

— Что поделаешь? Время больших продюсеров во французском кино миновало. Вот и приходится актерам быть одновременно режиссерами и деловыми людьми. Особенно трудно сегодня начинающим артистам. Опытному же актеру легче найти с ними общий язык. Проблемы «отцов и детей» для меня не существует. Во всяком случае — на съемочной площадке, другое дело — дома. Увы! Мой сын не пошел по моим стопам. Много раз я брал его с собой на съемки, но он всегда думал только об одном — о машинах. И тут еще его победа на чемпионате Европы по автогонкам...

Почувствовав, что пришла пора задать заранее припасенный «автомобильный» вопрос, спрашиваю: неужели вы водите машину только во время съемок?

— Да. Ведь я — актер, и этим сказано все.

К. ПРИВАЛОВ.
(Наш соб. корр.)

Париж.